DOI 10.24412/2227-7315-2026-1-52-59
УДК 34.01

В.Ю. Михайлин, О.С. Сурков

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО КАК ДЕОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОЕКЦИЯ ВЛАСТНОЙ ИЕРАРХИИ В ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ КОНСЕРВАТИВНЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ НАЧАЛА XX ВЕКА

Введение: *правовая культура в современной теории права и других юридических дисциплинах выступает значимым объектом научного исследования. Она может быть использована при изучении прогнозируемости человеческого поведения, которое воплощает в себе действие правовых норм, а также нормативности как составляющей когнитивных функций. Актуализация консервативных интерпретаций текущих реалий делает ее понимание актуальным.* ***Цель*** *— выявить структуру некоторых паттернов правовой культуры консервативно настроенной интеллигенции как активной социальной группы в Российской империи начала XX в., чтобы определить модели интерпретации и концептуализации публичного права как основополагающего семантического пространства всей правовой реальности для данной социальной группы. Это послужит для последующего изучения ее правовой культуры в целом.* ***Методологическая основа:*** *использован оригинальный интерпретативный антропологический подход к культуре для извлечения одной из установок из целостного объекта исследования в рамках междисциплинарного подхода, при восстановлении дискурса исследуемого периода применялся метод сравнительного анализа, а также системно-структурный метод.* ***Результаты:*** *выявлена и исследована достоверная системная составляющая сложного объекта исследования, позволяющая продолжить его поступательное исследование в дальнейшем.* ***Вывод:*** *оригинальный антропологический подход к определению культуры позволил задать перспективные рамки концептуализации правовой культуры консервативных интеллектуалов исследуемого периода. Это позволило выявить особенности понимания и проживания публичного права консерваторами как сути и продолжения этико-монархической иерархии, а также увидеть состояние кризиса, в котором она находилась в исследуемый период из-за фундаментальных противоречий между основными ее составляющими, между ними и социальной реальностью.*

Ключевые слова: *интеллигенция, консерватизм, правовая культура, модернизация, Российская империя, публичное право, традиционализм, самодержавие, идеология, патернализм, правовое государство, иерархия.*

© Михайлин Вадим Юрьевич, 2026

Доктор философских наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского); e-mail: vmikhailin@yandex.ru

© Сурков Олег Сергеевич, 2026

Кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: ura-gegel@rambler.ru

© Mikhailin Vadim Yuryevich, 2026

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature (Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky)

© Surkov Oleg Sergeevich, 2026

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of History of State and Law (Saratov State Law Academy)

V.Yu. Mikhailin, O.S. Surkov

PUBLIC LAW AS A DEONTOLOGICAL PROJECTION OF THE POWER HIERARCHY IN THE LEGAL CULTURE OF CONSERVATIVE INTELLECTUALS OF THE EARLY 20TH CENTURY

Background: *legal culture in modern legal theory and other legal disciplines is a significant object of scientific research. It can be used in the study of the predictability of human behavior, which embodies the effect of legal norms, as well as normativity as a component of cognitive functions. The actualization of conservative interpretations of current realities makes its understanding relevant.* ***Objective*** *— to identify the structure of some patterns of the legal culture of the conservative — minded intelligentsia as an active social group in the Russian Empire at the beginning of the 20th century in order to identify models of interpretation and conceptualization of public law as the fundamental semantic space of the entire legal reality for this social group. This will serve for further study of its legal culture as a whole.* ***Methodology:*** *an original interpretive anthropological approach to culture was used, a systematic structural method was used to extract one of the attitudes from an integrated research object within the framework of an interdisciplinary approach, and a comparative analysis method was also used to restore the discourse of the period under study.* ***Results:*** *a reliable systemic component of a complex research object has been identified and investigated, which makes it possible to continue its progressive research in the future.* ***Conclusion:*** *the original anthropological approach to the definition of culture allowed us to set a promising framework for the conceptualization of the legal culture of conservative intellectuals of the period under study. This made it possible to identify the peculiarities of conservatives' understanding and living of public law as the essence and continuation of the ethical-monarchical hierarchy, as well as to see the state of crisis in which it was in the period under study due to fundamental contradictions between its main components, as well as between them and social reality.*

Keywords: *intelligentsia, conservatism, legal culture, modernization, Russian Empire, public law, traditionalism, autocracy, ideology, paternalism, rule of law, hierarchy.*

Начало XX в. в Российской империи ознаменовалось не только революционными, политическими и социальными потрясениями, но и кризисом культуры, который выразился в дезинтеграции семантических систем различных социальных групп населения и, следовательно, в дезориентации их в повседневной деятельности.

Изучение правовой культуры предполагает наличие соответствующего категориального аппарата, так как именно определение базовых категорий и терминов задает вектор исследования. Многие определения культуры и правовой культуры носят синкретический или даже эклектический характер, поэтому малопригодны для историко-правового исследования. В связи с этим в данной работе мы будем руководствоваться определением культуры (применимого и к определению правовой культуры), разработанным известным антропологом В.Ю. Михайлиным как наиболее оптимальным для достижения поставленных целей.

Концепция В.Ю. Михайлина служит цели преодоления указанных недостатков. Так, определение культуры, данное классиком британской антропологии Э.Б. Тайлором, содержит ряд крайне значимых положений. Положение о том, что человек есть существо социальное *par excellence* и что социальность есть непременное условие овладения культурой. Положение «зеркальное» — непосредственным носителем культуры является именно индивидуальное человеческое существо. Представление о культуре как о системе связей и механизмов передачи инфор-

мации, без знания которых ни о каком «подключении» к культуре не может идти речи. Каждое из этих положений со временем вылилось в самостоятельное направление в рамках гуманитарных дисциплин, так или иначе выходящих на базовые принципы изучения человеческих культур.

Однако определение, данное Эдвардом Тайлором, небезгрешно. И главный его недостаток состоит в том, что оно носит откровенно описательный характер. То, из чего культура, с точки зрения Тайлора, состоит, просто перечисляется, составляя некое множество, некое «сложное целое», а затем оказывается, что у этого множества принципиально открытые границы: «…любые другие привычки и навыки, приобретаемые человеком как членом общества». У этого определения при всей его широте не хватает одной существенной детали, а именно того общего, что объединяло бы между собой все перечисляемые и подразумеваемые Тайлором сегменты культуры. Того, что, собственно, и делает человеческую культуру человеческой культурой, проявляясь в каждой из названных областей и составляя неотъемлемую составную часть всех без исключения привычек и навыков, приобретаемых человеком как членом общества.

В концепции В.Ю. Михайлина сделана попытка предложить такой «общий знаменатель» и попытаться с его помощью объяснить, как функционируют основные механизмы человеческой культуры. Она исходит из представления о том, что в основе всех форм человеческой культуры лежит одна и та же общая способность вида *homo sapiens* — способность к созданию проективных реальностей.

В самом общем виде то определение культуры, с которым она работает, можно сформулировать следующим образом: культура есть совокупность способов производства проективных реальностей, воплощенная в артефактах и формах человеческого поведения.

Под проективной реальностью в ней понимается экстраполированное (частично или полностью) по отношению к среде пребывания логичное внутри себя сочетание семантически значимых элементов, ситуативно воспринимаемых человеком как реальные.

Проективная реальность с точки зрения его латинской подосновы буквально означает реальность «отброшенную». Например, при броске камнем (или другим подручным предметом) в цель человек осуществляет ряд операций, принципиально недоступных никому из других обитающих на Земле живых существ. Главное, что он делает — это оперирует объектом, не являющимся ни частью его тела, ни «продолжением» оного, предметом, который в полете движется и ведет себя совершенно самостоятельно, но именно так, как того захотел человек. Во время нацеленного броска, особенно если это бросок по движущейся мишени, человек автоматически организует весьма сложную проективную реальность, автоматически просчитывая вес, плотность и форму камня, от которых весьма существенно зависят траектория полета последнего и качество удара о мишень, а потом сообразуя с этими данными способ и силу броска. Если мишень движется, необходимо принять во внимание упреждение. Если дует ветер или камень скользкий, необходимо сделать на это поправку. Не менее важна и прагматика попадания цель. В зависимости от того, что нужно в данный момент сделать с живым существом на противоположном конце траектории — убить, оглушить / заставить прекратить движение, нанести ему те или иные повреждения или просто отпугнуть, качество броска может быть очень и очень разным.

Для того чтобы все эти факторы сложились воедино и животное на том конце траектории полета камня было убито или сбито с ног, необходимо, чтобы на какой-то момент до начала самого броска, весь этот сложный процесс уже был завершен, чтобы результат был налицо еще до того, как рука перевернула камень поудобнее. Чтобы сложилась проективная реальность, в которой действие уже осуществилось и достигло результата: после чего наложение этой проективной реальности на «реальность реальную», на среду пребывания нашего камнеметателя, даст необходимую уверенность в каждом движении — и необходимую последнюю корректировку по факту. Здесь не случайно выбрано тавтологическое словосочетание «реальная реальность», противопоставленное нами по смыслу проективной реальности и взятое в кавычки. Среда пребывания, то есть вся совокупность физических объектов и процессов, среди которых в данный момент находится конкретный человеческий организм, во всей своей полноте недоступна не только нашему вниманию и пониманию, но и нашему восприятию. Даже если не принимать во внимание макрокосмические (планетарные, внепланетные, галактические и т.д.) и микроуровневые (клеточные, молекулярные и т.д.) процессы, недоступные нашему непосредственному восприятию по определению, объем человеческого внимания просто не в состоянии вместить и обработать сразу всю информацию, которую в принципе в состоянии единомоментно «загрузить» работающие вполсилы органы чувств. Мы можем разглядеть каждую отдельную песчинку на берегу у нас под ногами, но не делаем этого даже тогда, когда пристально всматриваемся в песок. Когда же мы просто идем по нему, глядя время от времени под ноги, чтобы не споткнуться о какое-нибудь препятствие, песка как такового, во всем его разнообразии и обилии, мы попросту не замечаем. По этой причине «реальностью» в полном (привычном) смысле этого слова среда пребывания для нас не является.

Среда пребывания становится «нашей», актуальной, прозрачной и понятной для нас реальностью только тогда, когда мы совмещаем ее с той или иной реальностью проективной. Между тем мы осуществляем целый ряд операций, позволяющих нам упрощать восприятие среды пребывания, «назначая» те или иные ее элементы, совместимые с внутренней логикой проективной реальности, значимыми, и отказываясь замечать те, которые с внутренней логикой проективной реальности совместимы не вполне и «неудобны» для получения связной картины, обеспечивающей, скажем, возможность целенаправленного действия. И это обстоятельство необходимо всякий раз принимать во внимание, когда мы говорим о восприятии «реальности» тем или иным человеком, той или иной группой людей или, если угодно, той или иной «культурой». Так же как отдельный человек может не обращать внимания на обстоятельства, которые он полагает либо несущественными для оценки наличной ситуации, либо настолько очевидными, что в каком-либо дополнительном внимании они не нуждаются и автоматически участвуют в формировании картины происходящего, так и целые культуры могут не обращать внимания на то, что для представителей других культур будет казаться крайне значимым.

Исходя из изложенного будет понятна реакция многих консервативных интеллектуалов на происходящее после событий революции 1905 г. и последующего за ней принятия новых Основных законов Российской империи и создания на их основе представительных органов правления.

Так, после революционных событий 1905 г. одной из самых распространенных реакций среди консервативных интеллектуалов было эскапистское отрицание. Например, известный консервативный правовед П.Е. Казанский прямо утверждал, что несмотря на реформы 1905–1906 гг. никаких изменений, по сути, не произошло, а русская государственная власть осталась такой же, как и была. Он полагал, что государь оставался единственным носителем верховной власти в государстве, рядом с которой не может быть и нет никакой равной ей власти [1, с. 135, 635–637]. Ультраправый консерватор Н.Е. Марков, выступая в созданной после революции Государственной думе, заявлял, что никакие новшества в законах не ограничивали власть императора, а просто изменяли порядок ее функционирования. В процедуру принятия законов добавился помимо правительства новый элемент в виде Государственной думы, и не более того [2, стб. 2355]. Схожим образом в своих выступлениях в Государственной думе высказывался представитель русской национальной фракции Л.В. Половцов. По его мнению, самодержавная власть никогда не отказывалась от своих исконных самодержавных прав, а лишь установила новый алгоритм принятия законов с участием представителей от сословий [3, стб. 2496].

Не мене болезненным был вопрос о носителе верховной власти. Консерваторы отказывались признавать, что верховной властью может обладать кто-либо кроме государя. С.Ф. Шарапов полагал, что государь остался носителем верховной власти, несмотря на все события и реформы начала века. Он может не только один раз изменить избирательный закон и создать Государственную думу, но и, если понадобится, сделать это снова, когда ему заблагорассудится. С точки зрения С.Ф. Шарапова, пресловутое народное представительство царю не указ, он и его может отменить если захочет [4, с. 16]. Аналогичную позицию выразили в своей программной статье националисты из движения Имперской народной партии [5, с. 112].

Не менее радикально выражался один из учредителей Всероссийского национального союза, правовед Н.О. Куплеваский. Он полагал, что Российская империя не превратилась ни в какую дуалистическую монархию и уж тем более в конституционную, именно потому, что все псевдоконституционные нововведения обратимы монаршей волей. Он отмечал, что Манифест 17 октября 1905 г. лишь устанавливает новый порядок ведения государственных дел и не предусматривает никаких обязательств государя сохранять этот порядок вечно, а когда эти нововведения перестанут быть полезными и достигать своих целей, царь, опираясь на свои исторические права и идею долга, может опять все переустроить для блага России [6, с. 65–67].

Крайне правый мыслитель, камергер В.П. Мещерский вообще называл Государственные думу и Совет лишь «поверенными» российского самодержавного царя, которые помогают ему в сфере законодательной деятельности, накладывая некоторые процессуальные ограничения, но ни в коем случае не изменяя верховную самодержавную власть, по существу [7, с. 12]. Не менее ультраправый лидер Русской монархической партии В.А. Грингмут прямо писал, что все ограничения самодержавной власти мнимые. Это доказал сам император, когда в 1907 г. единолично изменил избирательный закон, а это значит, что самодержавная власть осталась в неприкосновенности, то есть неограниченной [8, с. 360]. Менее радикальные консерваторы, такие как П.Н. Крупенский, придерживались аналогичной

позиции, заявляя, что решать судьбы родины дело императора, а Государственная дума необходима лишь для открытого и честного выражения народного мнения [9, стб. 1251].

Подобное единодушие в реакции на новые Основные законы Российской империи среди широкого спектра консервативных интеллектуалов было обусловлено специфическим пониманием природы властных и государственно-правовых отношений. Если предварительно резюмировать содержание паттернов консервативного мышления для облегчения дальнейшего понимания их взгляда на правовую сферу, то можно констатировать, что в их культурном пространстве иная власть, кроме самодержавной, — это вообще не власть или ущербная форма, не подходящая для России.

Например, монархист Л.А. Тихомиров переживал, что Россия неуклонно вступает в общеевропейское русло конституционного развития, что непременно приведет к краху русского царства и его церковно-государственного строя [10, с. 134–136]. Он постулирует неотделимость русской монархии от церковных начал, которые пронизывают ее этическими принципами. Эта взаимозависимость лишь укрепляет отечественную монархию выделяя ее среди остальных. Поэтому официальные прескрептивные тексты, издаваемые от имени верховной власти российским государством, не ограничивают, а лишь отражают и артикулируют сложившийся этатистски-теократический симбиоз.

Идеократическая природа российской монархии и, соответственно, фундаментальных законов получила свое отражение и вдругих работах консерваторов. Например, в сугубо юридической работе П.Е. Казанского, посвященной формальному правовому анализу новой редакции Основных государственных законов, утверждается, что самодержавная власть имеет всемирное историческое значение, а также является религиозно-нравственным явлением. Без понимания этих аспектов, считал П.Е. Казанский, невозможно понять суть публично-правовой сферы, зафиксированной в Основных законах, а также увидеть их принципиальное отличие от западноевропейских конституций [1, с. 7–8].

Принципиальным дополнением к характеристике правовой культуры консервативных интеллектуалов является следующее. Приведенные ранее установки и концепции в отношении самодержавия и производимых им предписаний сочетались у многих консерваторов с неприязненным и даже презрительным отношением к личности конкретного императора Николая II. Например, хозяйка знаменитого санкт-петербургского салона А.В. Богданович в своих мемуарных дневниках отмечала, что несмотря на то, что царь весьма обворожителен, но чувствуется, что все его обещания мало стоят и на него невозможно положиться [11, с. 429]. Консервативный правовед Б.В. Никольский сокрушался о безнадежности будущего и ужасался жизни при Николае II[1]. Консервативный публицист славянофильского толка А.А. Киреев также утверждал, что император ненадежен, при этом он все понимает, но ничего не делает. Получается император либо бессилен, либо лицемер[2].

Далее высказывались и более парадоксальные идеи. Например, среди консерваторов циркулировала идея создания особого Верховного Совета из особо про-

[1] См.: *Никольский Б.В.* Дневник // РГИА. Ф. 1006, оп. 1, д. 4б, л. 254.
[2] См.: *Киреев А.А.* Дневник // Ор РГБ. Ф. 126, к. 14, л. 343. Об. 344.

веренных лиц, которые бы оберегали государя от влияния случайных и вредных людей. Совет помогал бы государю принимать правильные решения. Получался оксюморон — в целях спасения самодержавия необходимо ограничить власть императора [12, с. 217]. Апогеем таких настроений можно считать высказывания черносотенного монархиста В.М. Пуришкевича, который намекал на возможность физического устранения действующего императора [13, с. 1–2]. Мало этого, когда впоследствии уже после революции его обвиняли в заговоре против новой власти и желании восстановить монархию, он с ненавистью высказывался о бывшем императоре [14, с. 126].

Таким образом, мы можем констатировать, что публичное право понималось консервативными интеллектуалами как проекция идеократической самодержавной власти, базирующейся на иерархическом видении социальной жизни в публичных пространствах в целом. В установках правовой культуры консерваторов изначально не подразумевалась самодостаточность конституционных или замещающих их норм. Одного этического основания было явно недостаточно. Все основные официальные акты должны были органически проистекать из сакрально-потестарной личности самодержца, в которой его функциональный статус и индивидуальные особенности неотделимы друг от друга.

Можно констатировать, что в исследуемый период консерваторы пребывали в глубоком мировоззренческом кризисе. Внутренняя логика комплекса их семантических проекций была подорвана отношением к реально существующему императору. Это приводило к существованию в режиме практически перманентной контринтуитивности, разрушающему фундамент консервативной правовой культуры на данном историческом отрезке.

Библиографический список

1. *Казанский П.Е.* Власть Всероссийского императора. Очерки действующего русского права. Одесса: Техник, 1913. 960 с.

2. Государственная Дума: стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия II. Ч. 2. СПб.: Государственная типография, 1909. 14 с., 3246 стб.

3. Государственная Дума: стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия III. Ч. 3. СПб.: Государственная типография, 1910. 19 с., 3246 стб.

4. *Шарапов С.Ф.* Самодержавие или конституция? М.: Свидетель, 1908. 94 с.

5. Как мы понимаем задачи народной партии в России // Новая Россия. Основы и задачи Имперской Народной Партии. СПб.: Дым Отечества, 1914. 120 с.

6. *Куплеваский Н.О.* Исторический очерк преобразования государственного строя в царствование императора Николая II. Вып. I. Преобразование высших государственных учреждений (1905–1907). СПб.: Всероссийский национальный клуб, 1912. 20 с.

7. *Мещерский В.П.* Дневники // Гражданин. 1907. № 83. С. 12.

8. *Грингмут В.А.* С нами бог! С нами Царь! // Собрание статей. Вып. 4. М.: Университетская типография, 1910. 410 с.

9. Государственная Дума: стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия II. Ч. 3. СПб.: Государственная типография, 1909. 12 с., 2956 стб.

10. *Тихомиров Л.А.* Из дневника Льва Тихомирова (Период столыпинщины) // Красный архив. М.: Гос-е социально-экономическое издательство, 1935. Т. 5(72). С. 120–160.

11. *Богданович А.В.* Три последних самодержца. М.: Л.Д. Френкель, 1924. 503 с.

12. *Наумов А.Н.* Из уцелевших воспоминаний. Нью-Йорк: Изд-во А.К. Наумовой и О.А. Кусевицкой, 1955. Кн. 2. 583 с.

13. *Пуришкевич В.М.* Современное правосудие // Дым Отечества. 1914. № 22. С. 1–2.

14. *Пуришкевич В.М.* Тюремные записи // Исторический архив. 1996. №5/6. С. 126.

References

1. *Kazansky P.E.* The Power of the All-Russian Emperor. Essays on Current Russian Law. Odessa: Printing house of Technicians, 1913. 960 p.

2. The State Duma: Verbatim reports. The Third Convocation. Session II. Part 2. St. Petersburg: The State Printing House, 1909. 14 p., 3246 stb.

3. The State Duma: Verbatim Reports. The Third Convocation. Session III. Part 3. St. Petersburg: State Printing House, 1910. 19 p., 3246 stb.

4. *Sharapov S.F.* Autocracy or the Constitution? M.: Witness, 1908. 94 p.

5. How we Understand the Tasks of the People's Party in Russia // New Russia. The Foundations and Tasks of the Imperial People's Party. St. Petersburg: Smoke of the Fatherland, 1914. 120 p.

6. *Kuplevasky N.O.* A Historical Sketch of the Transformation of the State System during the Reign of Emperor Nicholas II. Issue I. Transformation of Higher State Institutions (1905–1907). St. Petersburg: All-Russian National Club, 1912. 20 p.

7. *Meshchersky V.P.* Diaries // Citizen. 1907. No. 83. P. 12.

8. *Gringmut V.A.* God is with us! The Tzar is with us! // Collection of Articles. Issue 4. M.: University Printing House, 1910. 410 p.

9. The State Duma: Verbatim Reports. The Third Convocation. Session II. Part 3. St. Petersburg: State Printing House, 1909. 12 p., 2956 stb.

10. *Tikhomirov L.A.* From the Diary of Lev Tikhomirov (The Stolypin Period) // Red Archive. M.: State Socio-economic Publishing House, 1935. Vol. 5(72). P. 120–160.

11. *Bogdanovich A.V.* The Three Last Autocrats. M.: L.D. Frenkel, 1924. 503 p.

12. *Naumov A.N.* From Surviving Memories. New York: Publishing house of A.K. Naumova and O.A. Kousevitskaya, 1955. Book 2. 583 p.

13. *Purishkevich V.M.* Modern Justice // The smoke of the Fatherland. 1914. No. 22. P. 1–2.

14. *Purishkevich V.M.* Prison Records // Historical Archive. 1996. No. 5/6. P. 126.